

2. Zinyakov, N.M. (2014) K voprosu ob osobennostyakh kuznechnogo proizvodstva Kuznetskogo ostroga i okrestnykh dereven' v XVII – XVIII vv.: na osnove metallograficheskikh issledovaniy [On the features of the blacksmith's production of the Kuznetsk prison and surrounding villages in the 17th–18th centuries: based on metallographic studies]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 82–93.
3. Martyushov, R.A. & Shirin, Yu.V. (2018) Difficulties interpreting of written and archaeological sources of information of ferrous metallurgy of the Kuznetsk Tatars. *Bylye Gody*. 49(3). pp. 915–930.
4. Shirin, Yu.V. (1998) Konservatsiya drevnikh traditsionnykh remesel u kuznetskikh tatar [Preservation of ancient traditional crafts of the Kuznetsk Tatars]. In: Shirin, Yu.V. et al. *Sibirskiy gorod vchera i segodnya* [Siberian City Yesterday and Today]. Novokuznetsk: [s.n.]. pp. 92–96.
5. Zaytseva, O.V., Vodyasov, E.V. & Pushkarev, A.A. (2011) Poisk i kartografirovaniye arkhеometallurgicheskikh ob"ektov s pomoshch'yu magnitnoy razvedki [Search and mapping of archaeometallurgical objects using magnetic reconnaissance]. In: Makarov, N.A. & Nosov, E.N. (eds) *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkhеologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the 3rd (XIX) Russian Archaeological Congress]. Vol. II. St. Petersburg; Moscow, Veliky Novgorod: [s.n.]. pp. 382–383.
6. Bachmann, H.-G. (1982) *The identification of slag from archaeological sites*. London: Routledge.
7. Pleiner, R. (2000) *Iron in Archaeology. The European Bloomery Smelters*. Prague: Archeologický ústav AVČR.
8. Serneels, V. & Perret, S. (2003) Quantification of smiting activities based on the investigation of slag and other material remains. *Archaeometallurgy in Europe*. Proc. of the Conference. Vol. 1. Milan: Associazione Italiana di Metallurgia. pp. 469–478.
9. Dungworth, D. (2014) Who's afraid of the bowl furnace? *Historical Metallurgy*. 48(1&2). pp. 1–7.
10. Rondelez, P. (2017) The Irish bowl furnace: origin, history and demise. *The Journal of Irish Archaeology*. 26. pp. 101–116.
11. Dolan, B. (2012) *The Social and Technological Context of Iron Production in Iron Age and Early Medieval Ireland c. 600 BC – AD 900*. Vol. 2. PhD Thesis. University College Dublin.
12. Vodyasov, E.V. (2016) Kondoma tatars and the bloomery process (source: the Great Northern Expedition). *Bylye Gody*. 40(2). pp. 335–344.
13. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). (n.d.) *Kuznetskaya yasachnaya kniga 7205 (1697) g.* [Kuznetsk Tribute Book 7205 (1697)]. Fund 214. List 1. Book 1137. 1-92ob.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 908:376

DOI: 10.17223/19988613/62/23

М.В. Берсенева, В.И. Зиновьева, А.Л. Носова, М.П. Шильмин

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКСКЛЮЗИИ В РОССИИ (ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В Г. ТОМСКЕ)

Исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки образовательных организаций по проекту «Теоретико-методологические основы и междисциплинарные подходы в формировании этносоциального, инклюзивного образовательного пространства вуза» (№ 28.8279.2017/8.9).

Рассматривается феномен эксклюзии лиц с ограниченными возможностями здоровья в России, его историческое развитие и возможности определения его параметров в современном обществе (на примере исследования, проведенного в г. Томске). Исследование возможной эксклюзии проводится по методу «фигуры» и «фона». Авторы делают вывод о существовании в обществе латентного конфликта и эксклюзии инвалидов и формулируют рекомендации о возможных шагах по исправлению данной ситуации.

Ключевые слова: эксклюзия; лица с ограниченными возможностями; изучение общественного мнения; социальная история; инклюзивное образование.

В современной России популярным становится ряд утверждений о том, что к инвалидам следует относиться без дискриминации, как и ко всем остальным людям. Развитие общественных отношений к настоящему моменту привело к следующему консенсусу: человек, который открыто проявляет враждебность к инвалидам, как правило, будет встречать осуждение общества. Однако в то же время существуют некоторые факты, свидетельствующие о том, что антидискриминационные процессы в общественном сознании граждан далеки от своего завершения. Особенно актуальным и противоречивым этот вопрос становится при получении инвалидами профессионального образования, поскольку формально им предоставлены определенные льготы, а получение высшего образования должно повышать статус инвалида. Однако на практике лица с инвалидностью могут сталкиваться с большим количеством препятствий, связанных с негативными стереотипами. С точки зрения развития социальных отношений и практики социальной работы важно изучить настоящее, глубинное отношение к инвалидности со стороны общества и со стороны самих инвалидов.

Социальная эксклюзия является сложным концептом. Многие исследования, проведенные на основании самоотчетов респондентов о психологической саморегуляции, психологическом благополучии и переживаемых чувствах, выявили реакции людей на социальную эксклюзию. Такие исследователи, как R.F. Baumeister [1], M.R. Leary [2], K.D. Williams et al. [3] доказывают, что при остракизме люди испытывают грусть, разочарование, ревность, гнев и стыд. Повышенную тревогу в

условиях эксклюзии выявили R.C. Barden [4], R.H. Hoyle [5], а снижение качества жизни и чувства собственного достоинства – K. Gonsalkorale, A. Smith, K.D. Williams [6]. Эти эмоции появляются независимо от источников эксклюзии. Например, Gonsalkorale и Williams выявили зеркальное отношение отвергнутых к отвергающему их обществу. Также определено, что потеря выгод от группового членства приводит к снижению ощущения самоэффективности [7]. L.Y. Abramson et al. [8] утверждают, что этот феномен вызывает тревогу и фрустрацию у индивида, а K.D. Williams даже сравнивает чувство эксклюзии с чувством физической боли [9].

У лиц, подвергшихся социальной эксклюзии, повышается риск совершения суицида, как об этом говорит известный социолог Э. Дюркгейм [10]. Это подтверждают исследования F.M. Baker, C. Bateman, R.W. Blum и других авторов [11–13]. Целесообразным также может стать изучение социальной эксклюзии на основании транзакционного (трансактного) анализа Э. Берна [14] и концепции классовости А. Суворова [15].

Мы видим, что феномен эксклюзии изучен достаточно полно, однако большая часть исследований основана на зарубежном материале. Особенности социальной эксклюзии в рамках российской действительности еще недостаточно изучены, существует необходимость проведения дополнительных исследований социальной эксклюзии в конкретных сферах межличностного взаимодействия индивидов.

В истории отношение к инвалидам претерпело ряд изменений – от полной эксклюзии через частичное

признание прав к декларируемому полному включению в жизнь общества. Этому способствовали такие факторы, как лояльное отношение христианской религии по отношению к лицам с ограниченными возможностями, неизбежное появление детей-инвалидов в богатых семьях, что ставило вопросы о необходимости их инкорпорирования в общество [16]. В Новое время идеи гуманизма привели к развитию социальной помощи инвалидам, что вылилось в появление медицинской модели инвалидности. Уже после Второй мировой войны отношение к инвалидам еще раз кардинально изменилось. Социальная модель инвалидности подразумевает, что не только инвалид должен приспособиться к обществу, но и общество должно измениться так, чтобы было удобно инвалиду. В настоящий момент эта модель, являющаяся основой для полной инклюзии инвалидов в общество, широко распространена и декларируется в том числе и в российском обществе. В связи с этим интересно узнать, как дело обстоит на практике.

Авторами статьи было проведено исследование, посвященное выявлению возможных скрытых факторов эксклюзии, препятствующих включению человека с инвалидностью как в образовательное пространство, так и в общество в целом (инклюзии). Сбор и обработка данных были проведены при активном участии Р.Р. Гибазова, исполнителя указанной темы госзадания.

Цель данного исследования: выявить и проанализировать глубинные убеждения и ассоциации, связанные с инвалидностью, у самих инвалидов и у условно здоровых людей в образовательном пространстве.

Перед проведением исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

1) условно здоровые (неинвалиды) и инвалиды по-разному ранжируют возможности инвалидов;

2) между инвалидами и здоровыми людьми существует скрытый конфликт, вызванный наличием глубинных убеждений, препятствующий интеграции и предположительно ведущий к дискриминации и эксклюзии инвалидов.

В соответствии с поисковой целью и гипотезами исследования экспериментальная выборка составила 60 человек, преимущественно учащихся, а также работников образовательных учреждений г. Томска. Среди них 30 человек – условно здоровые люди (от 18 до 30 лет) и 30 человек – люди с ограниченными возможностями (от 18 до 50 лет). В рамках математической обработки результатов экспериментально-психологических методик наиболее целесообразно было применить непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена (применяемый в качественных исследованиях при малых выборках и усиливающий достоверность выводов) и метод сравнительного анализа для независимых выборок – критерий Ливиния (позволяющий выявить сходство либо различия значений в различных группах). Оценка распределений значений переменных в выборке проводилась с помощью критериев описательной статистики.

В исследовании была использована авторская методика М.П. Шульмина [17], названная «Лестницей возможностей». Опрос содержит определённые не взаимоисключающие характеристики людей, которые необходимо расставить от цифры «1» – обладающий этой характеристикой имеет наибольшее количество возможностей для реализации в обществе до цифры «16» – наименьшее количество возможностей.

Также была использована авторская методика М.П. Шульмина «Ассоциативный ряд». Согласно этой методике респонденту давалось слово «инвалид», и ему необходимо было продолжить ряд слов на последнюю букву предыдущего слова. Например, «инвалид – дьякон – нейрон и т.д.». Время ограничивалось 5 минутами. При обработке результатов учитывались: категории слов; длина ассоциативного ряда; положительная, нейтральная или негативная семантика слов.

Итоговая интерпретация полученных результатов проводилась на основании закона «Фигуры и фона». В соответствии с ним любой образ или предмет воспринимается как фигура, выделяющаяся на каком-то фоне. Каждый человек сам для себя выделяет что-то главное, а что-то второстепенное. Фигура восприятия имеет смысл для человека, поскольку связана с удовлетворением актуальной потребности. Фигуру видно отчетливо. Фон – это что-то не главное, не несущее смысл, не являющееся потребностью в данный момент времени. Здесь следует добавить, что соотношение фона и фигуры динамично. Сейчас у человека одна потребность, и что-то одно является для него главным, а всё остальное – несущественным и неважным. Через какое-то время то, что было неважным, т.е. являлось фоном, может стать важным, т.е. стать фигурой. Для каждого человека в разных ситуациях будет своё выделение фигуры и фона. Это зависит от самой личности и прошлого опыта. В таблице представлены основные выявленные корреляции между измеренными переменными.

Корреляции с категориями «мужчина-инвалид» и «женщина-инвалид»

Инвалиды	Человек, имеющий социальные связи	Молодые люди	Имеющие образование	Взрослые люди	Количество слов с негативной семантикой
Мужчина	–0,291	–0,404	–0,205	–0,375	0,360
Женщина	–0,312	–0,409	–0,278	–0,403	0,258

Наличие высокой отрицательной корреляции между значениями переменных «инвалид-мужчина» / «инвалид-женщина» и «молодой человек» может свидетельствовать о расхождении в сознании респондентов восприятия степени возможностей у инвалида и молодого человека. Такое расхождение может означать, что при осознании возможностей инвалид не воспринимается как молодой человек, а молодой человек не воспринимается как инвалид. Поскольку студентов часто воспринимают именно как молодых людей, косвенно мы

можем сделать и вывод о том, что респонденты не готовы видеть в рядах студентов лиц с инвалидностью.

Высокая отрицательная корреляция между переменными «инвалид» и «взрослый человек» свидетельствует о расхождении восприятия при осознании степени возможностей у инвалида и взрослого человека, причем для женщин это расхождение больше. По степени возможностей инвалид не воспринимается как взрослый человек, а взрослый человек не воспринимается как инвалид. Инвалидам в сознании выделяется отдельная ниша, не совместимая с пониманием «нормальных людей». Также мы наблюдаем отрицательные корреляции в категории «имеющие образование», что говорит нам о том, что образованный человек не воспринимается как инвалид, а инвалид – как образованный человек. При формально действующей инклюзивной практике общество не готово на образовательную инклюзию в полном смысле слова.

Количество слов с негативной семантикой коррелирует с понятием «инвалид», правда, на этот раз у женщин такой показатель ниже. Данная высокая положительная корреляция свидетельствует о снижении у респондентов восприятия возможностей у инвалида в связи с ростом количества вербальных представлений с негативной семантикой, вызванных стимульным словом «инвалид».

Интерпретируя полученные результаты с позиции закона «Фигуры и фона», стоит отметить следующее. При анализе исследования выявились многочисленные расхождения в восприятии разных переменных в глазах респондентов. То есть у кого-то одна переменная выходит на первый план, становится фигурой, а у кого-то та же переменная является фоном. У респондентов имеются определённые глубинные убеждения, которые приводят к расхождению восприятия. Расхождение восприятия ведёт к появлению противоречий. Противоречия ведут к возникновению конфликтной ситуации и впоследствии к конфликту. Высокое количество расхождений при анализе всех корреляций свидетельствует в целом о высоком конфликтном потенциале в обществе. Примечателен тот факт, что не выявилось расхождения восприятия у респондентов относительно инвалидов. Инвалиды и условно здоровые ранжировали инвалидов как имеющих мало возможностей для самореализации в жизни. То есть, возможно, у инвалидов имеются претензии к сложившейся ситуации, при которой они, по сути, находятся в неблагоприятной ситуации практически исключённых из общества. Здесь кроется еще одна проблема: для получения новых уровней образования требуются определенные амбиции. Но в условиях, когда и общество, и сам инвалид воспринимают себя исключительно в контексте недостатков, дефицита, такие амбиции вряд ли способны развиться.

Что же касается конфликтного потенциала в отношениях между инвалидами и обществом в образовательном пространстве, то мы получили следующую картину. Есть три варианта развития событий:

1. Первый вариант – эксклюзия. Общество выделяет инвалидность как фигуру, а все остальные характеристики выделяет как фон. Сами инвалиды выбирают свою инвалидность как фигуру, а всё остальное как фон. В этом случае отсутствует расхождение восприятия, а значит, и конфликт возникнуть не может, следовательно, конфликтный потенциал является низким или вообще отсутствует. Однако в такой системе инвалид недооценен и недооценивает себя сам, он, можно сказать, исключен из общества.

2. Второй вариант – высокий конфликтный потенциал. Общество выделяет инвалидность как фигуру, а все остальные характеристики выделяет как фон. В то же время инвалид ставит фигурой не свою инвалидность, а, например, свою профессию. Вот тогда появляется расхождение восприятия и, следовательно, появляется конфликт. Инвалид видит себя профессионалом, а работодатель видит его не профессионалом, а инвалидом, не обращая внимания на его профессиональные качества.

3. Третий вариант – инклюзия. Общество и инвалиды выделяют различные характеристики и достоинства человека как фигуру, а инвалидность как фон. Инвалиды на равных включены в общество с неинвалидами.

По результатам исследования было обнаружено, что мы имеем дело с первым вариантом. Об этом свидетельствует тот факт, что в исследовании выявилось большое количество отрицательных корреляций при сравнении инвалидов с другими социальными категориями. Отрицательные корреляции свидетельствуют о наличии расхождений в восприятии степени возможностей лиц с инвалидностью и других социальных категорий. В общественном сознании инвалиды отличаются от неинвалидов, представляют отдельную группу, что создает базу для эксклюзии и дискриминации. Однако в нашем обществе эта дискриминация имеет скрытый вид. Помимо этого, можно сделать вывод о наличии самодискриминации со стороны инвалидов.

Мы видим, что на данный момент фигурой у здоровых и инвалидов является сама инвалидность. То есть респонденты выделяют эту особенность, оставляя на фоне остальные характеристики, которые могут быть полезны обществу. Вспоминая о динамичности как об особенности закона «Фигуры и фона», мы можем утверждать, что, изменяя в представлении людей характеристики, которые у них становятся фигурой и которые становятся фоном, мы, таким образом, сможем влиять на их отношение к себе и ко всему обществу в целом. Можно в будущем попробовать перенаправить акцент с инвалидности или другой дезинтегрирующей характеристики человека, например, на его профессиональные возможности, тем самым произведя его интеграцию в общество. Таким образом, возможно воздействовать на внутренние психологические барьеры людей в плане их преодоления.

Подводя итоги, мы должны отметить, что общество прошло значительный этап в своем развитии от абсо-

лютного неприятия инвалидов через их частичное включение в общественную жизнь к декларации равных прав и необходимости общественных изменений для удобства инвалидов. Однако на практике в обществе, в том числе в образовательной среде, все еще в скрытом виде присутствуют дискриминация и эксклюзия инвалидов. Об этом свидетельствуют и данные настоящего исследования, в частности, то, что большинством респондентов подчеркивается прежде всего наличие или отсутствие инвалидности как важнейшей характеристики в жизни человека, которая оставляет на

втором плане все другие характеристики и прежде всего – возможность наличия образования. Одним из вариантов решения этого противоречия может быть распространение в образовательном пространстве информации об успехах таких людей, что будет перемещать фокус внимания общества с инвалидности на другие особенности личности инвалида. В целом, феномен эксклюзивных процессов, наблюдаемых в обществе, требует разработки методологических основ и принципов, практик в рамках теории реальных проблем в целях научного обоснования инклюзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Baumeister R.F., Tice D.M. Anxiety and Social Exclusion // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1990. № 9. P. 165–195.
2. Leary M.R. Varieties of Interpersonal Rejection // *The Social Outcast: Ostracism, Social Exclusion, Rejection, and Bullying* / eds K.D. Williams, J.P. Forgas, B. von Hippel. N.Y. : Cambridge University Press, 2005. P. 35–51.
3. Williams K.D., Cheung C.K.T., Choi W. Cyber Ostracism: Effects of Being Ignored over the Internet // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. № 79. P. 748–762.
4. Barden R.C., Garber J., Leiman B. et al. Factors Governing the Effective Remediation of Negative Affect and its Cognitive and Behavioral Consequences // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. № 49. P. 1040–1050.
5. Hoyle R.H., Crawford A.M. Use of Individual-Level Data to Investigate Group Phenomena Issues and Strategies // *Small Group Research*. 1994. № 25. P. 464–485.
6. Gonsalkorale K., Williams K.D. The KKK Won't Let Me Play: Ostracism even by Adespised Out-Group Hurts // *European Journal of Social Psychology*. 2007. № 37. P. 1176–1186. DOI: 10.1002/ejsp.392
7. McLaughlin-Volpe T., Aron A., Wright S.C., Lewandowski G.W. Jr. Exclusion of the Self by Close Others and by Groups: Implications of the Self-Expansion Model // *The Social Psychology of Inclusion and Exclusion* / eds D. Abrams, M.A. Hogg, J.M. Marques. N.Y. : Psychology Press, 2005. P. 113–134.
8. Abramson L.Y., Seligman M.E.P., Teasdale J.D. Learned Helplessness in Humans: Critique and Reformulation // *Journal of Abnormal Psychology*. 1978. № 87. P. 49–74.
9. Williams K.D. Ostracism // *Annual Review of Psychology*. 2007. № 58. P. 425–452.
10. Durkheim E. Suicide: A Study in Sociology / translated by J.A. Spaulding, G. Simpson. Glencoe, IL : Free Press, 1951. 376 p.
11. Baker F.M. Black Youth Suicide: Literature Review with a Focus on Prevention // *Journal of the National Medical Association*. 1990. № 82. P. 495–507.
12. Bateman C. Young, Black, Female and Miserable // *South African Medical Journal*. 2001. № 91. P. 716–717.
13. Blum R.W., Beuhring T., Shew M.L. et al. The Effects of Race / Ethnicity, Income, and Family Structure on Adolescent Risk Behaviors // *American Journal of Public Health*. 2000. № 90. P. 1879–1884.
14. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М. : Эксмо, 2012. 575 с.
15. Суворов А.В. Слепых в мире зрячелышащих. М. : ИПТК 'Логос' ВОС, 1996. 120 с.
16. Чиндина Л.А., Берсенева М.В., Козлитина А.Л. Развитие образовательного пространства через увеличение степени эксклюзии (Мировой опыт) // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 437. С. 188–196.
17. Шульмин М.П. Феноменологический анализ опыта психологической адаптации инвалидов // *Сибирский психологический журнал*. 2017. № 65. С. 83–93.

Maxim V. Bersenev. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: m.bersenev@gmail.com
Valentina I. Zinovieva. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

Anastasiya L. Nosova. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail anastasiya.nosova@tusur.ru

Maxim P. Shulmin. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: scoobi@inbox.ru

HISTORY AND CURRENT STATE OF EXCLUSION IN RUSSIA (ACCORDING TO PUBLIC OPINION POLLS IN TOMSK)

Key words: exclusion, persons with disabilities, public opinion polling, social history, inclusive education.

The purpose of the study is to identify and analyze the underlying beliefs and associations connected with disabilities in disabled and non-disabled people.

The authors of this article used the works of various foreign and domestic researchers who studied such phenomenae as exclusion, a sense of group membership, frustration, suicide, and similar processes and phenomena. C. Williams, R.C. Barden, K. Gonsalkorale and others describe various negative experiences associated with exclusion, E. Durkheim investigated the problems of suicide, and C. Williams and K. Gonsalkorale also discovered the phenomenon of the mirror attitude of rejected people towards society. In addition, the authors rely on their previous research, which shows the history of the formation of adopting attitudes towards people with disabilities (based on the example of the educational space). This study was based on the works of A. Tyurin, F.L. Ratner, L. S. Emelina and other scientists.

To study the modern attitude of the Russian society to the disabled persons, the authors conducted a socio-psychological study. Respondents from academical community (30 disabled people and 30 non-disabled people) were asked to answer a number of personal questions. Questionnaires were built on the M.P. Shulmin's methods "associative row" and "ladder of opportunities". The final interpretation was carried out on the basis of the "Figure and Background" law, which implies that a person can keep in focus a limited number of objects that will be a figure, while the rest are a background.

As a result of the study, negative correlations between the concepts of "disabled woman", "disabled man" and the categories "people with social connections", "young people", and "adults" were revealed. A positive correlation was found between these concepts and a significant number of words with negative semantics. Such a result was shown by representatives of both groups (disabled and non-

disabled), regardless of the respondent's gender. Interpreting these results on the basis of "Figure and Background" law shows us that in the minds of both disabled and non-disabled people disability is a figure, any other qualities of a disabled person fade into the background. Consequently, both disabled and non-disabled people consider the presence or absence of a disability to be the leading feature of an individual. This is the basis for the exclusion of persons with disabilities from Russian society. However, it does not mean that Russian society deliberately discriminates people with disabilities. Rather, we can assume that this situation is due to the lack of information on the real possibilities of people with disabilities among respondents. Dissemination of this information may lead to a solution of this problem.

REFERENCES

1. Baumeister, R.F. & Tice, D.M. (1990) Anxiety and Social Exclusion. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 9. pp. 165–195. DOI: 10.1521/jscp.1990.9
2. Leary, M.R. (2005) Varieties of Interpersonal Rejection. In: Williams, K.D., Forgas, J.P. & Hippiel, B. von (eds) *The Social Outcast: Ostracism, Social Exclusion, Rejection, and Bullying*. New York: Cambridge University Press. pp. 35–51.
3. Williams, K.D., Cheung, C.K.T. & Choi, W. (2000) Cyber Ostracism: Effects of Being Ignored over the Internet. *Journal of Personality and Social Psychology*. 79. pp. 748–762. DOI: 10.1037/0022-3514.79.5.748
4. Barden, R.C., Garber, J., Leiman, B., et al. (1985) Factors Governing the Effective Remediation of Negative Affect and its Cognitive and Behavioral Consequences. *Journal of Personality and Social Psychology*. 49. pp. 1040–1050. DOI: 10.1037/0022-3514.49.4.1040
5. Hoyle, R.H. & Crawford, A.M. (1994) Use of Individual-Level Data to Investigate Group Phenomena Issues and Strategies. *Small Group Research*. 25. pp. 464–485. DOI: 10.1177/1046496494254003
6. Gonsalkorale, K. & Williams, K.D. (2007) The KKK Won't Let Me Play: Ostracism even by Adespised Out-Group Hurts. *European Journal of Social Psychology*. 37. pp. 1176–1186. DOI:10.1002/ejsp.392
7. McLaughlin-Volpe, T., Aron, A., Wright, S.C. & Lewandowski, G.W., Jr. (2005) Exclusion of the Self by Close Others and by Groups: Implications of the Self-Expansion Model. In: Abrams, D., Hogg, M.A. & Marques, J.M. (eds) *The Social Psychology of Inclusion and Exclusion*. New York: Psychology Press. pp. 113–134.
8. Abramson, L.Y., Seligman, M.E.P. & Teasdale, J.D. (1978) Learned Helplessness in Humans: Critique and Reformulation. *Journal of Abnormal Psychology*. 87. pp. 49–74. DOI: 10.1037/0021-843X.87.1.49
9. Williams, K.D. (2007) Ostracism. *Annual Review of Psychology*. 58. pp. 425–452.
10. Durkheim, E. (1951) *Suicide: A Study in Sociology*. Translated from German by J.A. Spaulding & G. Simpson. Glencoe, IL: Free Press.
11. Baker, F.M. (1990) Black Youth Suicide: Literature Review with a Focus on Prevention. *Journal of the National Medical Association*. 82. pp. 495–507. DOI: 10.1006/jado.1994.1006
12. Bateman, C. (2001) Young, Black, Female and Miserable. *South African Medical Journal*. 91. pp. 716–717.
13. Blum, R.W., Beuhring, T., Shew, M.L., et al. (2000) The Effects of Race / Ethnicity, Income, and Family Structure on Adolescent Risk Behaviors. *American Journal of Public Health*. 90. pp. 1879–1884. DOI: 10.2105/AJPH.90.12.1879
14. Berne, E. (2012) *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry* [Games People Play]. Translated from English by A. Gruzberg. Moscow: Eksmo.
15. Suvorov, A.V. (1996) *Slepogluhoy v mire zryacheslyshashchikh* [Deaf and blind in the world of those who can hear and see]. Moscow: Logos' VOS.
16. Chindina, L.A., Bersenev, M.V. & Kozlitina, A.L. (2018) The development of educational space through an increase in the degree of inclusion (world experience). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 437. p. 188–196. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/437/27
17. Shulmin, M.P. (2017) Subjective adaptation of the disabled as a psychological phenomenon. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 65. pp. 83–93. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/65/6